

КЭТРИН ЭНН ПОРТЕР

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Название этой книги — перевод с немецкого: «Das Narrenschiff» называлась нравоучительная аллегория Себастьяна Бранта (1458?—1521), впервые напечатанная на латыни как «Stultifera Navis» в 1494 году. Я прочитала ее в Базеле летом 1932 года, когда в памяти у меня были еще свежи впечатления от моей первой поездки в Европу. Начиная обдумывать свой роман, я выбрала для него этот простой, едва ли не всеобъемлющий образ: наш мир — корабль на пути в вечность. Образ отнюдь не новый — когда им воспользовался Брант, он был уже очень стар, — прочно вошел в обиход, и с ним все сроднились; и он в точности отвечает моему замыслу. Я тоже странствую на этом корабле.

К. Э. П.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

*на борту северогерманского
пассажирского корабля «Вера»
(см. справочник Ллойда), совершающего рейс
от Веракруса (Мексика) до Бремерхафена (Германия)
со 2 августа по 17 сентября 1931 года.*

НЕМЦЫ:

Капитан корабля Тиле.

Доктор Шуман, судовой врач.

Судовой казначей и шестеро помощников капитана.

Фрау Риттерсдорф, пассажирка с записной книжкой.

Фрау Отто Шмитт, у которой недавно в Мексике умер муж.

Зигфрид Рибер, издатель рекламного журнала дамских мод.

Фрейлейн Лиззи Шпекенкикер из Ганновера, торгует дамским платьем.

Профессор Гуттен, бывший директор немецкой школы в Мексике.

Фрау Гуттен, его жена, при них белый бульдог Детка.

Карл Баумгартнер, адвокат из Мехико, безнадежный пьяница.

Фрау Баумгартнер, его жена Грета.

Ганс Баумгартнер, их восьмилетний сын.

Карл Глокен, горбун; торговал в Мексике табаком и газетами, а теперь продал свой киоск и возвращается в Германию.

6 Вилибальд Графф, умирающий религиозный фанатик, возомнивший себя исцелителем болящих.

Иоганн, его племянник и в то же время сиделка.

Вильгельм Фрейтаг, «связанный» с нефтяной компанией в Мексике; возвращается в Германию за женой и ее матерью.

Юлиус Левенталь, еврей, фабрикант и торговец, поставляющий католической церкви всевозможную утварь; едет в родной город Дюссельдорф навестить двоюродную сестру Сару.

ШВЕЙЦАРЦЫ:

Генрих Лутц, бывший владелец отеля в Мексике, после пятнадцати лет отсутствия возвращается в Швейцарию; с ним фрау Лутц, Эльза Лутц, жена, и восемнадцатилетняя дочь.

ИСПАНЦЫ:

Бродячая труппа — певцы и танцоры, называющие себя цыганами; прогорели в Мексике и возвращаются в Испанию.

Женщины: Ампаро, Лола, Конча, Пастора. Мужчины: Пеле, Тито, Маноло, Панчо.

Дети: Рик и Рэк, близнецы, сын и дочь Лолы, шести лет от роду.

Condessa*, обнищавшая аристократка, много лет жила на Кубе, по политическим мотивам выслана с Кубы на Тенерифе.

КУБИНЦЫ:

Шестеро студентов-медиков, направляются в Монпелье.

Супружеская чета с двумя малышами.

* Графиня (*исп.*)

МЕКСИКАНЦЫ:

7

Новобрачные из Гвадалахары (Мексика), совершают свадебное путешествие в Испанию.

Сеньора Эсперон-и-Чавес де Ортега, жена атташе мексиканского представительства в Париже, ее новорожденный сын и няня-индианка Николаса.

Отец Гарса и отец Карильо, служители мексиканской католической церкви, направляются в Испанию.

Политический агитатор: толстяк в темно-красной рубашке, любитель петь.

ШВЕД:

Арне Хансен, ярый враг Рибера.

АМЕРИКАНЦЫ:

Уильям Дэнни из Техаса, молодой инженер-химик, направляется в Берлин.

Мэри Тредуэл, сорока пяти лет, развелась с мужем и возвращается в Париж.

Дэвид Скотт и Дженни Браун, молодые художники, любовники, впервые едут в Европу.

ПАССАЖИРЫ ЧЕТВЕРТОГО КЛАССА:

Восемьсот семьдесят шесть душ, испанцы — мужчины, женщины и дети, поденщики с сахарных плантаций на Кубе, высланные обратно на родину — на Канарские острова и в различные области Испании — после краха, разразившегося на сахарном рынке.

СОСЕДИ ПО КАЮТАМ:

фрау Риттерсдорф — фрау Шмитт
миссис Тредуэл — фрейлейн Шпекенкикер
Дженни Браун (Дженни-ангел) — Эльза Лутц
отец Гарса — отец Карильо
Вильгельм Фрейтаг — Арне Хансен

8 Дэвид Скотт (Дэвид-лапочка) — Уильям
Дэнни — Карл Глокен
Вилибальд Графф — Иоганн, его племянник
Рибер — Левенталь
Сеньора Ортега — Младенец и кормилица
Condesa (одна)
Новобрачные
Генрих Лутц — фрау Лутц
профессор Гуттен — фрау Гуттен — Бульдог Детка
Баумгартнер — фрау Баумгартнер — Ганс Баум-
гартнер
Шестеро студентов-кубинцев занимают две смеж-
ные каюты
Бродячая труппа:
Маноло и Конча
Тито и Лола с близнецами
Пепе и Ампаро
Панчо и Пастора

Часть I

ОТПЛЫТИЕ

Когда мы к счастью поплывем?

Бодлер

Август 1931

Для путешественников портовый город Веракрус — всего лишь чистилище между сушей и морем, но здешние жители в восторге и от себя, и от этого города, ведь они помогали его создавать. Они срослись со здешним укладом, в котором отразились их история и характер, в их жизни постоянно перемежаются полосы бурной деятельности и сонного затишья, они не мыслят себе иного существования и, в уверенности, что их нравы и обычаи выше всякой критики, с удовольствием пренебрегают мнением людей сторонних.

Когда они развлекаются на многочисленных семейных и общественных празднествах, местные газеты в самых трогательных выражениях описывают, как это было весело, сколь роскошными и аристократическими (предполагается, что это одно и то же) были убранство и угощение, и не могут нахвалиться искусством, с каким здешнее высшее общество соблюдает тонкое равновесие между светской учтивостью и непринужденным весельем — секрет столь прекрасных манер известен одному лишь высшему свету Веракруса, конечно же, ему жгуче завидуют и тщетно пытаются подражать жалкие провинциалы — жители удаленной от побережья столицы. «Никто, кроме нас, не умеет развлекаться свободно

10 и притом культурно, — пишут в этих случаях газеты. — Мы щедры, отзывчивы, гостеприимны и чутки», — уверяют они не только самих себя, но и многоязычных варваров с верхнего плоскогорья, упорно продолжающих считать Веракрус всего лишь мерзкими задворками, через которые приходится выбираться в море.

Пожалуй, чувствуется некоторая неловкость в этом воинственном выпячивании собственного аристократизма, а также в неизменной грубости жителей Веракруса по отношению к путешественникам, которые вынуждены пройти через их руки, чтобы обрести временное прибежище на борту какого-нибудь из стоящих в здешней гавани кораблей. Путешественники хотят лишь одного — поскорей отсюда выбраться, а жители Веракруса — поскорей от них избавиться, — но не прежде, чем выжмут из них все, что только может извлечь город в целом и каждый его житель в отдельности при помощи пошлин и сборов, грабительских цен и взяток. Словом, на первый взгляд Веракрус — самый обычный портовый город, бессовестный по природе своей, бесстыжий по укладу, преспокойно являющий взорам приезжих непригляднейшую свою изнанку: из десятка путешественников девять — бараны, которые только и ждут, чтобы с них содрали семь шкур, а каждый десятый — негодяй, которого просто грешно было бы не провести. Во всяком случае, из каждого можно выжать не более того, что есть у него в кошельке, а времени на это всегда маловато.

Ранним, но уже знойным августовским утром несколько мирных горожан из тех слоев общества, что щеголяют в белых полотняных костюмах, прошли через раскаленную, как сковорода, площадь под пыльную сень магнолий и неторопливо усе-

лись на веранде гостиницы «Паласио». Вытянули ноги, чтобы охладить подошвы, поздоровались с размякшим от жары шуплым официантом, назвав его по имени, и спросили соку лиметты со льдом. Все они были отпрысками семей, знакомых поколениями, вместе росли, женились на родных и двоюродных сестрах и тетушках друг друга, знали, кто чем занимается, пересказывали друг другу все слухи и сплетни и выслушивали их, когда эти слухи и сплетни вновь к ним возвращались; каждый, как заправская повитуха, помогал появиться на свет повести об интимной жизни остальных; и однако они чуть не каждое утро встречались по дороге в свои магазины или конторы, вместе проводили последний час досуга и обменивались новостями, прежде чем приступить к серьезным дневным делам.

Площадь была пустынна, только маленький изможденный индеец сидел на скамье под деревом — индеец откуда-то из захолустья, в потрепанных белых холщовых штанах, длинной рубаше и старой соломенной шляпе с нелепо изогнутыми полями, нахлобученной на самые брови. Ноги его с обломанными ногтями и потрескавшимися пятками бессильно лежали на серой земле, кожаные ремни сандалий порвались и заново связаны были узлами. Он сидел очень прямо, скрестив руки на груди и, казалось, дремал. Потом медленно, как во сне, сдвинул шляпу на затылок, вытащил из скрученного жгутом синего холщового пояса свернутые холодные маисовые лепешки и принялся за еду; то блуждая взглядом по сторонам, то уставясь в одну точку, он решительно впивался крупными зубами в жесткое тесто, жевал и глотал без малейшего удовольствия. Компания на веранде не обращала на него внимания, словно он был деревом или камнем, и он, видимо, тоже никого не замечал.

12 Из-за угла не то ковыляя, не то ползком на четырех обернутых кусками кожи и обвязанных бечевками обрубках появился нищий, он всегда подгадывал к приходу первых утренних посетителей. В раннем детстве его так хитроумно изувечил мастер этого сложного искусства, готовя к будущей профессии попрошайки, что в нем почти не осталось сходства с человеком. Немой, полуслепой, он двигался, едва не уткнувшись носом в тротуар, будто нюх вел его по следу, и порой, останавливаясь передохнуть, медленно качал безобразной косматой головой от нестерпимой боли. Сидевшие за столиком мельком глянули на него, как на собаку, такую мерзкую, что ее даже ногой пнуть противно, а он терпеливо ждал подле каждого, пока не звякнет медная монетка, брошенная в раскрытую кожаную сумку, что висела у него на шее. Один протянул ему половинку выжатой лиметты, нищий приподнялся, сел, разинул страшный рот, подхватил подачку и, старательно жуя, вновь упал на четвереньки. Потом пополз через улицу и лег под деревьями позади маленького индейца, а тот даже головы не повернул.

Сидевшие на веранде следили за ним лениво, равнодушно, будто ветер гнал по площади обрывок старой газеты; потом они обратили по-прежнему ленивые, но зоркие взгляды знатоков и ценителей на девушек, что стайками шли на работу, все в хлопчато-бумажных светлых платьишках, с ярко-розовыми или голубыми целлулоидными гребенками в черных волосах, и на девиц побогаче, одетых, как подобает прихожанкам, — эти были в черных вуалевых платьях, поверх высоких черепаховых гребней наброшены тонкие черные кружевные мантильи; они медленно переходили площадь, направляясь в церковь на другой ее стороне, и уже раскрывали большие черные веера.

скрылась в дверях церкви, и сидевшие на веранде от нечего делать засмотрелись на давно знакомые повадки всякой живности, населяющей балконы и подоконники по соседству. Большой серый кот сжался в окне своего дома и настороженно следил за извечным врагом — попугаем; этот самозванец с человеческим голосом опять и опять обманывал его, приглашая зайти подзакусить. Попугай, склонив голову набок, одним агатово-черным, отливающим бронзой глазом косился на мартышку, которая каждое утро с восходом солнца принималась осыпая его насмешками на непонятном языке и насмехалась весь день напролет. Мартышка, сидя на перилах соседнего балкона, кидалась к попугаю, насколько позволяла цепь, а попугай, привязанный за ногу, визжал, трепыхался и рвался с привязи. Потом мартышке это надоело, она бочком отступила восвосяи, а попугай сел и, потряхивая перьями, начал долго и нудно браниться. Мартышка учуяла заманчивый запах лопнувших кокосовых орехов в корзинке уличного торговца, на тротуаре. Она прыгнула вниз, повисла, обвязанная поперек туловища цепочкой, неистово забилась на весу — и по той же цепочке вскарабкалась наверх, в безопасное место.

В окне, где сидел попугай, показалась обнаженная женская рука и протянула птице переспелый банан. Попугай что-то коротко прохрипел в благодарность, ухватил банан когтистой лапой и стал есть, сверля угрожающим взглядом мартышку, а та заверещала, раздираемая жадностью и страхом. Кот презирал обоих и никого не опасался — ведь он был свободен и мог кинуться в драку или наутек, как заблагорассудится, но до него донесся запах сырого мяса: уже подгнивающие куски его развешаны были в лав-

14 чонке под окном. Кот осторожно свесился с подоконника и неслышно упал на кучу трябухи у ног мясника. Тут на него, рыча, кинулся какой-то шелудивый пес — лай, шипенье, неистовая гонка до ближайшего дерева — и кот вскарабкался по стволу на безопасную высоту, а пес, ослепленный яростью, наткнулся на вытянутые усталые ноги сидевшего на скамье индейца. Индеец почти и не пошевелился, только согнул ногу в колене — молниеносное движение, меткий удар жестким краем сандалии по торчащим собачьим ребрам. С протяжным воем пес кинулся обратно к лавке мясника.

Один из сидевших на веранде зевнул во весь рот, встряхнул смятую газету, которая лежала рядом, и снова стал разглядывать огромную, во всю полосу, фотографию растерзанного трупа на краю небольшой воронки, вырытой взрывом бомбы во дворе шведского консульства, с пальмами в кадках и проволочными птичьими клетками на заднем плане. Взрывом убило только одного человека — слугу, мальчишку-индейца. Лицо не пострадало, глаза широко раскрыты и задумчиво-печальны, откиннутая рука прикрывает ладонью клубок вывалившихся внутренностей. Из-за соседнего столика поднялся человек, тоже посмотрел на фотографию и покачал головой. Он был уже немолод, смуглое лицо лоснилось, белый полотняный костюм и воротничок рубашки размякли от пота.

— Скверная история, — сказал он довольно громко. — Всегда так: ухлопали не того, кого надо.

— Ну, ясно, в газете так прямо и сказано, — согласился тот, что помоложе.

Они стали читать редакционную статью. Редактор утверждал что ни один человек в целой Мексике и, уж во всяком случае, ни одна душа в Веракруссе не могли желать ни малейшего зла шведскому консулу,

который всегда был верным другом этого города, благовоспитаннейшим и достойнейшим из всех проживающих здесь иностранцев. Бомба же предназначалась некоему потерявшему совесть богачу, хозяину соседнего дома; по какой-то роковой ошибке, заслуживающей самого сурового осуждения, бомба разорвалась не там, где следовало. Редактор прекрасно понимает, что подобные досадные случайности могут повлечь за собою в высшей степени серьезные международные осложнения. А потому город Веракрус спешит принести глубочайшие, сердечнейшие извинения как самому консулу, так и великому миролюбивому государству, которое он представляет, и, разумеется, готов всячески возместить нанесенный ущерб, как то принято в подобных случаях между цивилизованными правительствами. По счастью, господин консул во время взрыва отсутствовал — вместе с членами своей семьи он приглашен был к другу и коротал часы послеполуденной жары за освежительными напитками. Жители города Веракрус все как один надеются, что шведский консул согласится забыть и простить эту трагическую ошибку, ведь время сейчас суровое, опасность подстерегает каждого из нас на каждом шагу. А пока прискорбный случай этот, быть может, окажется даже полезен, пусть он послужит предостережением для бессердечных домовладельцев, которые бессовестно эксплуатируют своих жильцов — честных граждан Веракруса: пусть знают они, что революция исполнена мощи, рабочие непреклонны в своей решимости положить конец всякой социальной и экономической несправедливости и отомстить полной мерой за все прежние несправедливости.

Тот, что помоложе, перевернул страницу, и оба продолжили читать. Редактор желает объяснить еще